

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертационном исследовании Ван Тяньцзяо «Образ Китая в русской поэзии первой трети XX века», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской

Федерации

(Волгоград, 2025)

Ван Тяньцзяо написал и представил к защите **актуальное**, общественно значимое и практически полезное во многих отношениях диссертационное **исследование**, — **актуальное** и значимое и **по** анализируемому литературному **материалу** (русская поэзия первой трети XX века), среди которых тексты малоизученных авторов (С.М. Третьякова, Е.И. Васильевой) и **по** рассматриваемой **проблеме** и полученным научным результатам (особенности художественного восприятия Китая и конструирование его образа), а также, что очень важно, **по** заявленным **геополитическим предпосылкам и методологическим установкам**.

В начале диссертации и в ходе исследования Ван Тяньцзяо справедливо утверждает несколько принципиально важных положения: 1) «Россия и Китай — две крупнейшие мировые державы, оказывающие огромное влияние на развитие всего человечества, внесшие выдающийся вклад во всемирную историю и культуру»; 2) «В области современной филологии усиливается интерес к проблеме рецепции инокультурного и иноэтнического мира»; 3) «К. Бальмонт был одним из первых русских поэтов, преодолевших европоцентризм».

Дело в том, что в отечественном литературоведении в 2000-2010-е годы в отличие от 1980-1990-х годов, когда создавался фундаментальный труд «История всемирной литературы» в 8-ми томах (М.: Наука, 1983–1994), стала активно продвигаться европоцентристская модель рассмотрения литературного

процесса (ср.: «Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М., 2010), получившая свое обоснование и выражение в вузовских учебниках как по теории, так и по истории литературы. До сих пор мы имеем дело с европоцентристской моделью литературного процесса. Вне поля «континентального» зрения оказывается вся другая — предшествующая европейской — мировая литература (письменность, словесность): литература Древнего Египта (III тыс. до н. э.), Месопотамии / Двуречья (с рубежа IV–III тыс. до н. э.), а также столь же древние литературы Китая, Индии, Ирана. Даже древнееврейская литература, в русле которой с XIII века по II век до н. э. формировались тексты Ветхого Завета (библейского канона), и та только косвенно учитывается в построениях литературного процесса как «внутренний факт» средневековой словесности.

Другими словами, в отечественном литературоведении стали распространяться научные принципы, связанные с европоцентристским пониманием историко-литературных проблем. Однако в применении самих этих принципов не все так однозначно. Анализ филологических и историософских работ XIX века позволяет выявить две разнонаправленные тенденции в решении «восточного вопроса»: одна из них нашла выражение в концепциях культурной взаимности, но другая — в высказываниях о европейском превосходстве над «отсталым восточным человечеством» (Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009; Тайлор Э.Б. Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации. СПб.: Издание И.И. Билибина, 1898).

Так, Гегель в «Лекциях по философии истории», находясь во власти германоцентричной историософской идеи («Германский дух есть дух нового мира»), утверждает историческую смерть восточного духа, который никак не повлиял на становление мирового процесса: «Китай и Индия находятся еще, так сказать, за пределами всемирной истории» (Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993). И, как показали в недавней

публикации Е.В. Волгина и Н.В. Лазовская, такого рода аналитические тенденции до сих пор дают о себе знать в европейской дискурсивной практике (Волгина Е.В., Лазовская Н.В. Расизм и дискурс (по материалам зарубежных исследователей) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27, № 3. С. 10–19).

Если же обратиться к историко-литературным «рецептивным» исследованиям, то ученых в большей степени интересуют особенности восприятия русской классики западноевропейской культурой в формах научной и художественной рецепций (Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов) или особенности воплощения образов европейских стран (Италии, Германии, Франции) в русской литературе. Показательны в этом отношении коллективные монографии, связанные с творчеством Ф.М. Достоевского: Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до постмодерна: Антология. Ч. 1, 2. СПб.: РХГА, 2021; Рецепция Достоевского в мировой культуре. История и современность. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2021; Достоевский и Италия. СПб.: Алетейя, 2021.

Диссертация Ван Тяньцзяо, посвященная изучению художественного восприятия Китая в русской поэзии первой трети XX века, усиливает другую тенденцию исследовательского интереса – интереса к Востоку, который в современных геополитических условиях имеет как стратегическое, так и культурологическое значение.

В свете сказанного можно заключить, что избранные методологические установки Ван Тяньцзяо, позволяющие на конкретном художественном материале показать действие поэтических «механизмов» культурной взаимности России и Китая, обладают повышенной актуальностью. Проведенный анализ репрезентативных текстов русской поэзии первой трети XX века (К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, М.И. Цветаевой, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, С.М. Третьякова, Е.И. Васильевой) опирается на теоретические работы по проблемам рецепции, среди которых есть как исследования русских,

европейских ученых, так и китайских. Полученные исследовательские результаты обладают **теоретической и практической значимостью**, так как 1) позволяют расширить и уточнить концептуальные основания разных способов кодификации образа Китая и 2) дают возможность использовать осмысленные и систематизированные наблюдения и выводы в дальнейшем изучении восточных кодов русской словесности, а также в практике преподавания истории русской литературы.

Научная новизна диссертации вытекает из тех достоинств работы, которые были отмечены, и содержится в смелости выражения геополитических и методологических приоритетов, в выявлении и описании разнообразных и концептуально значимых способов воплощения образа Китая в русской поэзии 1900 – 1920-х годов, в «корректировке» европоцентристской модели истории русской литературы.

Личный вклад диссертанта дает о себе знать не только в корректном выявлении и наименовании специфических «китайских реалий» в русских поэтических текстах, но и в привлечении китайских научных и литературных источников, приводимых в оригинале и в авторском переводе с китайского на русский язык.

Достоверность полученных результатов исследования определяется как объемной теоретической и историко-литературной базой изученных источников, применением адекватными методов рассмотрения репрезентативного поэтического материала, так и достаточным уровнем апробации основных положений диссертации на конференциях в Волгограде, Москве, Чебоксарах, Таганроге и в семи публикациях: из них три статьи опубликованы в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, и 4 статьи в изданиях, включенных в базу РИНЦ.

Структура диссертации и логика развертывания научной мысли в целом отвечает цели и задачам, поставленным в работе.

Во Введении помимо обязательных научно-квалификационных пунктов, содержащих определение актуальности, объекта, предмета цели и задач исследования, присутствуют краткие, но квалифицированные обзоры работ по теории рецепции и творческому осмыслению русской литературой и наукой Китая как культурно-исторического феномена. Содержательная значимость данной части Введения такова, что ей, данной части, структурно можно было бы выделить отдельную главу, отчего бы Введение не пострадало, обрело бы привычный – небольшой – страничный объем, а актуализация перспективных идей и положений теоретического и историко-литературного характера выиграла бы.

Диссертант последовательно и аргументировано стремится раскрыть и доказать свой тезис о различных путях (типах) рецепции и художественного воплощения образа Китая в русской поэзии первой трети XX века. И надо признать, что Ван Тяньцзяо на материале творчества К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, М.И. Цветаевой, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, С.М. Третьякова и Е.И. Васильевой удастся не только вскрыть и показать способы и приемы художественной концептуализации Китая, создания его образа в разных природно-географических, ментально-культурологических, антропологических, исторических, бытовых, колористических и даже фонетических чертах, но и наметить ценностную типологию такого рецептивного осмысления, убедить читателя, что русские поэты рассматриваемого периода по-разному, исходя из разных творческих задач и принципов, опыта знакомства с феноменом Китая по научным, литературным источникам и/или «вживую» (непосредственно биографически) воплощали образ Поднебесной. Типологические основания построения образа Китая, приведенные в диссертации, можно обозначить и представить в виде последовательно разворачивающейся системы. Для Бальмонта Китай мифопоэтичен, к созданию его образа поэт привлекает такие ценностные категории и феномены, как Дао, Логос, Дракон, Небо, Море, Земля, иероглиф, и

центрирует образом Солнца. Брюсов создает образ Китая, используя как отличительные черты китайского быта, менталитета китайцев, их отношения к власти, так и мифопоэтические представления о сказочной стране, что позволяет поэту нарисовать объемный образ Китая, сотканный из прагматической реальности и недостижимой мечты (см.: параграф 1.1. «Образ Китая в творчестве К. Бальмонта и В. Брюсова»). Образ Китая в творчестве Маяковского приближен к радикальной социополитической и одновременно утопической реальности: Китай и союзник Советской России в борьбе с мировым злом империализма, и страдающий трудовой народ, вступивший в борьбу со вселенским угнетением в образе рычащего зверя, и близкая экзотическая страна, узнаваемая по традиционным реалиям (2.1. «Тема Китая в поэзии В.В. Маяковского»). В драматической поэме «Страна Негодяев» Есенин выводит специфический образ китайца: герой в большей степени выполняет сюжетно-ролевую функцию «трикстера», отведенную ему автором, чем воплощает характерные национальные черты.

Особый интерес представляют параграфы 2.3. «Китай в биографии и творчестве С.М. Третьякова» и 3.1. «Книга стихов Е.Васильевой «Домик под грушевым деревом» как этап формирования образа Китая в русской поэзии». В них диссертант обращается к полузабытым и малоизвестным авторам С.М. Третьякову и Е.И. Васильевой, но которые внесли заметный вклад в создание обширной культурной парадигмы образа Китая. Как показывает Ван Тяньцзяо, Третьяков биографически был связан с Китаем, поэтому ему удалось сформировать и выразить собственное видение Поднебёсной, основанное, с одной стороны, на реальных впечатлениях от пребывания в этой стране, от общения с китайским народом, на знании его культуры и традиций, а с другой – на коммунистических убеждениях, которых писатель придерживался. Как поэту, разделявшему принципы футуристической поэзии, Третьякову удалось создать оригинальный образ Китая: отойти от сложившихся стереотипов изображения этой страны и дать образ Китая в соотнесении исторической

реальности и его сакрального величия. Столь же основательно проработана, как аргументировано доказывает соискатель, образная концепция Китая в стихотворном цикле Е.И. Васильевой «Домик под грушевым деревом». Искусная стилизация в старокитайском духе, соотнесенность образов с системой образов и мотивов китайской поэзии VII-IX веков, натурфилософская, флористическая и колористическая насыщенность и символизация, близкие национальному мировосприятию китайца, так органично тонко передаваемые Васильевой, превращают сборник стихов «Домик под грушевым деревом» в художественный шедевр.

В целом цель диссертационного исследования – выявить и описать различные способы рецепции и художественного воплощения образа Китая в русской поэзии первой трети XX века – достигнута. Ван Тяньцзяо показал высокий уровень филологического анализа литературного материала: с одной стороны, умение его обобщать и концептуализировать в соответствии с его художественными особенностями и культурно-историческими реалиями, с другой – подмечать поэтические тонкости и детали рассматриваемого текста, которые выполняют в нем разные семантические и символические функции. Автореферат диссертации адекватно и в полной мере отражает основные положения и содержание научного исследования.

Вместе с тем, несмотря на отмеченные достоинства и сильные стороны диссертационной работы, на выполнение соискателем всех необходимых квалификационных задач, в то же время можно высказать несколько замечаний, предложений и поставить возникшие в ходе чтения вопросы, которые могут стать предметом дискуссии и уточнений.

1. В диссертации высказаны точные и перспективные мысли и тезисы, которые иногда не получают своего должного развития. Приведем некоторые такие высказывания, которые в диссертации остаются без аргументированной поддержки и объяснения: «Этапным для освоения темы Китая в русской литературе стало произведение древнерусской литературы – «Хождение за три

моря» Афанасия Никитина» (с. 4); «Вершиной развития темы Китая в поэзии К. Бальмонта исследователи называют его стихотворение «Великое Ничто», написанное в 1909 г.»; «Поэт опирался и на другие космогонические мифы, созданные в Китае» (с. 31). Остаются вопросы: каким образом сочинение Афанасия Никитина связано с «китайской» проблематикой, Почему стихотворение «Великое Ничто» стало вершиной развития темы Китая, на какие именно другие мифы опирался Бальмонт?

2. Также не получает своего объяснения утверждение А.А. Краснояровой о том, что К. Бальмонт заложил традицию перевода произведений китайской поэзии и использовал для этой цели «длинную» стихотворную строку – 7-стопный дактиль (с. 26). Остается неразрешенный вопрос, почему именно 7-стопный дактиль стал ритмической основой перевода у Бальмонта.

3. Когда в диссертации рассматривается стихотворение Цветаевой с характерным названием «Сколько у тебя дружочков?», то фраза о том, что сочетание мотива перстня и упоминание в этом контексте образа Китая представляется не случайным и заставляет задуматься (с. 47), остается без ожидаемого пояснения и звучит риторично.

4. В диссертации не всегда последовательно и методически однотипно делаются выводы в конце аналитического рассмотрения (о Бальмонте, Цветаевой). Можно было бы сделать более развернутые выводы по главам и параграфам, даже с их структурным выделением (как, например, такие выводы приводятся в конце параграфа о Брюсове – с. 40-42).

5. В обширном списке научной литературы не нашлось места исследованию Р.Ф. Бекметова «Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога)» (Казань: РИЦ «Школа», 2018, 328 с.).

Возникают некоторые сомнения, может быть, дискуссионного характера, связанные со структурированием глав и параграфов диссертации. Хотя, как отмечалось, структура диссертации в целом отвечает цели и задачам,

намеченным в исследовании, однако решение некоторых определенных задач диссертации могло бы найти отражение в самостоятельных параграфах.

1. Так, в первой главе «Образ Китая в русской поэзии 1900-1910-х годов» один – первый – параграф «Образ Китая в творчестве К. Бальмонта и В. Брюсова» посвящен двум поэтам, хотя по принципам создания образа Китая и его концептуализации каждый из поэтов заслуживает отдельного внимания, а второй параграф этой главы «Мотивы и образы Китая в творчестве поэтов эпохи постсимволизма», материал которого менее всего по сравнению с другими концептуализирован, содержательно посвящен рассмотрению «китайских реалий» в лирике одного лишь поэта, в данном случае – Цветаевой. Параграф представляет собой ряд наблюдений в пределах поэтики акмеизма, может быть, поэтому его содержание не нашло формульного отражения в отдельном положении, которое выносится на защиту.

2. Точно так же и третья глава «Синология и переводы китайской литературы как фактор формирования образа Китая в русской поэзии первой трети XX века», которая непривычно состоит только из одного параграфа «Книга стихов Е. Васильевой «Домик под грушевым деревом» как этап формирования образа Китая в русской поэзии», могла быть расширена за счет выделения дополнительных «проблемных» параграфов.

Диссертация состоялась и как концептуально сложившееся исследование, в теоретической основе которого находится историко-литературная парадигма. В связи с этим возникает вопрос исследовательского характера: можно ли соотнести рассматриваемый материал не только с восточным контекстом, но и с европейским, задействовать философские мысли и историософские построения, восходящие к Гегелю и получившие свое распространение на рубеже веков.

Гегель в «Лекциях по философии истории», размышляя на тему «Восток – Запад», когда пишет о Китае, замечает, что «связь духа народа с природой есть нечто внешнее ... она по существу и необходимости является основой».

Развитие всемирной истории он мыслит как высвобождение из этой объективной связи субъективного творческого духа.

В другом месте Гегель, исходя из теории прогресса, движения от одной исторической формы к другой, пишет: «Солнце, свет, восходит на Востоке. Но свет есть простое отношение к себе ... как субъект в солнце»; «Всемирная история направляется с Востока на Запад... этот Восток есть Азия. Здесь восходит внешнее физическое солнце, а на Западе оно заходит: но зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние». Можно ли в чем-то согласиться с немецким философом или есть какие-либо основания и аргументы, чтобы ему возразить.

Среди необязательных замечаний можно обозначить только одно: встречающиеся в диссертации мелкие опечатки немногочисленны и не портят общего благоприятного впечатления от научного текста.

Замечания и вопросы, которые возникли в ходе прочтения, носят рекомендательный и, наверное, дискуссионный, но не принципиальный характер, не вскрывают системных противоречий работы и, тем более, не влияют на общую – положительную – оценку диссертационного исследования Ван Тяньцзяо.

Кандидатская диссертация Ван Тяньцзяо «Образ Китая в русской поэзии первой трети XX века» представляет собой самостоятельное научно-квалификационное исследование, ценное по полученным результатам, обладает научной новизной, теоретической и практической значимостью и в целом содержит в себе решение задач, имеющих принципиальное значение для развития литературоведения на современном этапе и в новых геополитических условиях.

Диссертация Ван Тяньцзяо «Образ Китая в русской поэзии первой трети XX века», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, соответствует паспорту специальности 5.9.1 – Русская

литература и литературы народов Российской Федерации и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: 4. История русской литературы XX века (1890-1920-е годы); 24. Взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой, а также соответствует требованиям пп. 9–14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции с изменениями и дополнениями).

Автор диссертационного исследования – Ван Тяньцзяо – заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

Против включения данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой данной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент –
Карпенко Геннадий Юрьевич,
доктор филологических наук
(10.01.01 – Русская литература), профессор,
ФГАОУ ВО «Самарский
национальный исследовательский
университет имени
академика С.П. Королёва», профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
и связей с общественностью

Г. Карпенко

Юридический адрес: 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34,
E-mail: ssau@ssau.ru www.ssau.ru

Домашний адрес: 443071, г. Самара, Волжский проспект, 39 А, кв. 27,
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com Тел.: 8 927 6525774



Подпись Карпенко Г.Ю. удостоверяю.
Начальник отдела сопровождения деятельности
ученых советов Самарского университета
Бояркина Бояркина У.В.
19 мая 2025 г.